

ПОНЯТИЕ ГРАММАТИЧЕСКОГО МОРФОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ В ЯЗЫКЕ

О.Ю. Шубина

Рассматриваются особенности грамматических значений в языке, выражаемых морфологическим способом.

Ключевые слова: грамматическая семантика; грамматическое значение; неграмматическое значение.

Для проведения исследований в области грамматической семантики принципиально важно понимание различий между грамматическим и неграмматическим значением, которые могут быть выражены морфологическим способом. Основным и наиболее принятым делением морфологических значений является их деление на лексические, словообразовательные и грамматические (Плунгян 2000, Плунгян 2003, Вубее 1985, Aronoff 1994, Anderson 1992). Разработан ряд признаков для установления различия грамматического значения от других видов морфологических значений. Рассмотрим самые основные из этих признаков, такие как обязательность и регулярность реализации, всеобщность значения и релевантность. Вопрос о том, какие из

этих свойств являются постоянными и могут действительно служить критерием различия между грамматическим и неграмматическим, является причиной споров между исследователями в области морфологии. Известно, что граница между грамматическим и неграмматическим признается нежесткой и принимается во внимание существование обширных переходных зон между двумя категориями.

По мнению Плунгяна [1, 2] сущностным признаком, характеризующим все грамматические значения без исключения, является свойство *обязательности*.

Для того чтобы продемонстрировать понятие обязательности как свойства грамматического значения, удобнее всего рассмотреть его на конкретном примере простого предложения.

Так, например, в предложении “*Все студенты ненавидят экзамены*” мы можем легко различить две основные группы значений. В первой группе будут находиться те значения, которые сообщают нам о действующих лицах описываемой ситуации (‘студенты’), о предметах и случаях, которые затрагивает эта ситуация (‘экзамены’), о самом состоянии или действии действующих лиц (‘ненавидеть’). Все эти значения указывают на определенные понятия, все значения являются лексическими. Во второй же группе мы обнаружим значения, которые отличаются по характеру от первых: например, значения настоящего времени, 3 лица, несовершенного вида, которые связаны со сказуемым предложения – глаголом *ненавидеть*. Эти значения мы легко и без сомнения отнесем к грамматическим. Но, что же помогает нам решить, какие значения следует отнести к грамматическим, а какие к неграмматическим?

Согласно В.А. Плунонгану [1; 106], две группы значений, которые мы выделили в предложении, обладают разным статусом по отношению к исходному замыслу говорящего, а именно, среди них есть такие, сообщить которые говорящий намеревался (значения первой группы), а есть и такие, которые независимо от своего намерения он не мог не сообщить. Вот эти “вынужденно” сообщенные значения, выражение которых необходимо для построения грамматически правильного предложения, и считаются грамматическими.

Именно в таком смысле выделяется признак обязательности для грамматических значений. Грамматические значения должны быть выражены обязательно, так как они заложены в грамматике языка и диктуются подсознательно любому говорящему на этом языке. Причем словоформа может выражать одновременно только один из вариантов грамматического значения. Например, в случае с залогом глагола в английском языке словоформа имеет возможность выражать одновременно только один из залогов.

Данный факт позволяет сделать следующее заключение: обязательность характеризует, строго говоря, не одно отдельное грамматическое значение, а некоторое множество взаимоисключающих значений. Иными словами, никакие два значения из этого множества не должны выражаться одновременно в одной и той же словоформе, но какое-то одно из них должно выражаться всегда в составе словоформы. Такое множество взаимоисключающих обязательных значений принято называть *грамматической категорией* [1; 107; 2].

Так, значения двух залогов в английском языке составляют грамматическую категорию залога. Выражение залога обязательно для любой словоформы глагола, но каждая словоформа может выражать значение только одного из двух залогов.

Языки мира, несомненно, различаются набором обязательных грамматических значений. Существуют языки, в которых грамматическая информация выражается преимущественно неморфологически.

Однако следует отметить, что принцип обязательности для грамматических категорий не имеет абсолютной универсальной силы. Пределы применимости данного критерия являются и по сей день объектом лингвистических исследований. Принцип обязательности вызывает возражения в первую очередь у востоковедов. Как отмечает Григорьян [3], при столь жестком подходе во многих восточных языках не удастся выявить практически никаких грамматических категорий. Большинство грамматических категорий оказываются необязательными в этих языках, так как соответствующее значение может оставаться невыраженным в высказывании без всякого нарушения грамматических правил языка. Таковы, например, число и отчасти время в китайском языке. Хотя показатели этих значений существуют, они очень часто опускаются. Такие категории в востоковедении определяются как факультативные. Термин “факультативный” используется в противоположность обязательным. *Факультативные* категории присущи, прежде всего, изолирующим языкам (например, китайский, вьетнамский) и агглютинирующим языкам (например, арабский) [3].

Важно отметить, что факультативность не означает произвола говорящего: употребление или, наоборот, неупотребление показателей подчиняется правилам. Грамматические показатели необязательны в тех случаях, когда в предложении имеются какие-либо другие средства для передачи того же (или сходного) содержания. Так, например, в тюркских языках возможны сочетания числительного, указывающего множеству, и существительного в единственном числе. В буквальном переводе на русский язык такие сочетания выглядят следующим образом: “два друг”, “десять конь”. Рассмотрим пример из кыргызского языка: *ат* – конь, *аттар* – кони, но: жыйырма ат – “20 коней”.

Как видим, суффикс множественного числа просто опускается в контексте вместе с числительным. Такая факультативность присутствия

грамматического показателя может объясняться тем, что в подобных контекстах показатель множественного числа дублировал бы значения числительного, которое и так уже несет выражение множественного числа.

Здесь почти автоматически возникает следующий вопрос: почему же тогда в других языках (например, в принадлежащих к индоевропейской группе) дублирование показателя множественного числа совсем не противоречит логике грамматики этих языков? Ответ на этот вопрос похож кроется в типологии сравниваемых языков. Языки, указанные в примере, относятся к категории агглютинирующих, в то время как большинство индоевропейских языков являются флективными. Центральным отличием между данными типами языков является способ соотношения морфемы и значения. Агглютинирующие языки имеют твердую тенденцию кодифицировать каждое отдельное грамматическое значение в отдельной морфологической единице. Иными словами, каждый суффикс соотносится с одним закрепленным за ним грамматическим значением. Флективные же языки, напротив, склонны в большей степени к сращению морфологических значений в едином показателе: например, окончание любого глагола в русском языке совмещает в себе значения рода, числа, времени, вида. В тюркских же языках каждый присоединяемый суффикс несет свое отдельное значение. Принимая во внимание, что данный принцип соотношения грамматического значения и его показателя является основополагающим в грамматике агглютинирующих языков, можно утверждать, что данный принцип кодифицируется в грамматической семантике данных языков. А значит, действие его распространяется не только в пределах морфологии слова, но и в пределах “морфологии” фразы, то есть в синтаксисе и в структуре предложения. Этим, пожалуй, и объясняется ограничение дублирования множественного числа в суффиксе существительного, если оно сопровождается множественным числительным, как в нашем примере.

Помимо обязательности можно выделить и другие признаки, которые хотя и не могут считаться универсальными, все же являются важными для понимания сущности грамматического значения.

Релевантность является одним из определяющих свойств любого семантического значения. Свойство релевантности, по сути, предполагает отношение между двумя семантическими концептами. Одно семантическое значение счи-

тается релевантным другому, если оно способно влиять на него и изменять его смысл, то есть содержательную сторону. Рассмотрим свойство релевантности на конкретном примере семантического значения ‘*движение*’, приведенного в работе Дж. Байби [4; 14]. Это значение мы найдем в большинстве языков мира. В русском языке оно выражается в ряде глаголов: например, *двигаться, идти, ехать, ползти, плыть, лететь* и так далее. В чем же заключается разница между этими глаголами, если все они выражают понятие ‘*движения*’? Бесспорно, наиболее общим среди этих глаголов является глагол *двигаться*, содержащий только одно лексическое значение. Все остальные глаголы отличаются тем, что к ним добавлено еще одно дополнительное семантическое значение – способ передвижения. Добавление этого значения к центральному нам кажется абсолютно логичным, и мы даже не задумываемся, почему эти два значения срastaются в одном корне. Ответ же на этот вопрос тоже очень логичен. Сращение этих двух значений происходит (и надо сказать во многих языках) потому, что значение способа релевантно значению движения. Иными словами, в нашем понимании мира эти понятия тесно соотносятся друг с другом. Указание на то, как было совершено движение (по суше → *идти*, по воздуху → *лететь*, по воде → *плыть*), является гораздо более важной информацией в данном случае, чем, например, погодные условия (в солнечный день или в дождь) [4].

Степень релевантности дополнительного значения по отношению к основному определяет в значительной мере то, как будет выражено это значение: будут ли два значения выражены как отдельные слова в свободном словосочетании, воплотится ли дополнительное значение в аффикс или станет вспомогательным словом (служебным элементом).

Дж. Байби, описывая понятие релевантности, подчеркивает, что свойство релевантности зависит от когнитивного восприятия, свойственного любому человеку, а также от культурных особенностей социума, в котором используется данный язык [4; 13]. Два семантических понятия будут восприниматься как высокорелевантные только тогда, когда результат объединения этих понятий будет иметь большую когнитивную или культурную значимость. Ярким примером, иллюстрирующим замечание Дж. Байби, может послужить факт существования в чукотско-алеутских языках больше десятка наименований состояния снега. Появление такого множе-

ства слов объясняется тем, что понятие ‘снег’ в условиях жизни этих народов воспринимается высокорелевантным с гораздо бóльшим кругом дополнительных понятий (плотность, мягкость и так далее), чем, например, для носителей русского языка.

Релевантность затрагивает также и грамматические понятия. Для анализа релевантности грамматических понятий особую важность имеет не только соотношенность грамматического значения с центральным лексическим значением, выраженным в корне слова, но также и соотношенность с классовой характеристикой лексемы (то есть частью речи). Так, некоторые грамматические значения могут вообще не обладать сочетаемостью с определенными частями речи. Для глагола, например, наиболее релевантным грамматическим понятием является ‘время’ и, напротив, совершенно нерелевантным является ‘род’.

Релевантность как семантический критерий может служить своего рода индикатором степени морфологического сращения грамматического значения с основным лексическим значением слова [4; 16].

Грамматическое значение вида, например, является более релевантным по отношению к лексическому значению глагола чем лицо и число, потому как понятие совершенности/несовершенности действия гораздо сильнее меняет центральное значение глагола, чем способ его сочетания с подлежащим. Именно поэтому в языках, в которых существует грамматическое значение вида, его морфологическое выражение располагается ближе всего к корню или даже внутри него. В русском языке, например, вид выражается чаще всего либо приставками (*читал – прочитал*), либо суффиксами (*загадать – загадывать*), либо сопровождается чередованием согласного или гласного в самом корне (*застелить – застилать*). Морфологическое же выражение лица и числа в русском языке всегда остается за окончанием – наиболее отдаленной от корня морфемой.

Видовое различие глаголов обладает сравнительно высокой степенью релевантности именно потому, что имеет возможность изменять описываемое глаголом значение. Так, например, глагол совершенного вида может выражать иную предикативную ситуацию, существенно отличную от ситуации, передаваемой глаголом несовершенного вида. Рассмотрим следующие предложения:

Вечером Михаил написал статью для студенческой газеты.

Вечером Михаил писал статью для студенческой газеты.

Оба предложения имеют идентичную грамматическую структуру, за исключением вида глагола. Форма совершенного вида “*написал*” предполагает, что Михаил закончил статью в тот же вечер; в то время как форма несовершенного вида “*писал*” выражает незавершенность действия.

Еще одним наиболее часто выделяемым свойством грамматического значения является его *абстрактность*. Мнение о том, что абстрактный характер присущ грамматическим значениям, пожалуй, не подвергается сомнению. Однако многие лингвисты считают, что, несмотря на явность своего присутствия, абстрактность не может служить достоверным критерием отличия грамматического значения от лексического. Как отмечает Григорьян [3], критерий абстрактности представляется не вполне обоснованным. Разумеется, грамматические значения не могут быть слишком конкретными, так как они характеризуют предельно широкие классы слов – все или большинство слов какой-либо части речи – и таким образом потенциально должны быть совместимы с широким кругом понятий. Обычно они касаются существенных параметров ситуации: пространственно-временных, количественных, модальных. Именно с этим связана их большая повторяемость в синтаксисе предложений. Тем не менее, в языках встречаются грамматические значения достаточно конкретной семантики. Так, в языке нутка (североамериканских индейцев) упоминание какого-либо человека обязательно маркируется аффиксом, который свидетельствует о наличии физического недостатка, то есть является ли этот человек слишком толстым, кривым или косым, горбатым, хромым или левшой. Что же касается лексических значений, то они могут быть и не менее абстрактны, чем соответствующие грамматические. Так, например, лексическое значение слова “время” никак не менее абстрактно, чем грамматическое значение настоящего или прошедшего времени [3; 26].

Со свойством абстрактности связан также параметр *всеобщности*, выделяемый Джозан Байби [4; 16] наряду с релевантностью, как один из сущностных параметров для определения природы грамматического значения. Термином всеобщность определяется способность морфологической категории присоединяться ко всем корневым лексемам соответствующего

семантико-синтаксического класса, а также обязательность ее присутствия в соответствующем синтаксическом контексте [4; 17].

Иными словами, морфемы, выражающие грамматические значения, обладают способностью сочетания с очень широким классом языковых единиц. Для того чтобы морфема обладала таким всеобщим характером, она должна, конечно же, характеризоваться высокой степенью абстрактности. Ведь если семантическое значение конкретно и специфично, его сочетаемость распространяется на конкретный, а значит и довольно узкий, круг других значений. Такое значение, разумеется, не может стать грамматическим, так как грамматика языка кодифицирует всеобщие правила, а не частные случаи. Грамматические значения абстрактны как раз потому, что они должны быть свойственны обширным классам других значений (кодируемых лексически).

Важно отметить также, что понятие всеобщности в данном случае касается в первую очередь плана содержания, то есть самого грамматического значения, а не его морфологического выражения. Известно, что одно и то же грамматическое значение может выражаться в языке сразу несколькими способами. Какие-то из этих способов, по причинам историческим, являются более продуктивными, тогда как другие показатели этого же самого значения применяются только в отдельных случаях. На этом свойстве основано деление морфем на продуктивные и непродуктивные. Причем продуктивность одной и той же морфемы может существенно изменяться в ходе развития истории языка. Так, например, чередование гласной в корне, известное как Ablaut, являлось наиболее продуктивным способом образования глагольных форм прошедшего времени в древнеанглийском. Однако уже в средневековом английском этот способ стал уступать в своей продуктивности аффиксальному – добавлению суффикса *-ed*. В современном английском корневые изменения для образования прошедшего времени свойственны достаточно узкой группе глаголов, воспринимающихся как исключения из общего правила и именуемых неправильными (*irregular*).

Параметр всеобщности находится в определенной противоположности относительно свойства релевантности. Иными словами, соотношение всеобщности и релевантности определяет в значительной мере то, как и в какой морфологической позиции будет выражено определенное семантическое значение. Рассмотрим данную

зависимость подробнее на примере глагольных значений.

Семантические значения, обладающие высокой степенью релевантности по отношению к центральному лексическому значению глагола, как правило, не могут стать грамматическими. Их высокая релевантность ограничивает их способность к всеобщности. Эта закономерность объясняется тем, что высокорелевантные понятия, присоединяясь к центральному значению, преобразовывают его в гораздо большей степени, чем понятия не столь релевантные. Очень часто такое преобразование центрального значения воспринимается как отдельное, новое значение, а не просто модификация старого. Мы уже упоминали, что для глаголов движения, например, высокой релевантностью обладают понятия направления, а также способа передвижения. Не удивительно, что эти понятия выражаются обычно либо лексически, либо деривационно, но не грамматически. Ведь сочетание понятия движения с понятием направления изменяет существенно целостное значение самого глагола. Именно поэтому результатом такого семантического сочетания является порождение новых глаголов, то есть отдельных друг от друга лексем (например, *приходить* – *уходить*, *входить* – *выходить* и так далее).

Высокая степень релевантности не может обеспечить всеобщности. Так, понятие направления обладает высокой степенью релевантности по отношению к глаголам действия, но релевантность его значительно уменьшена по отношению к другим глаголам. Сложно представить, как, например, понятие направления может сочетаться с глаголами, выражающими эмоции и чувства. Следовательно, по шкале всеобщности понятие направления будет оценено довольно низко.

Понятие времени же, напротив, обладает высокой сочетаемостью с глагольными корнями. Это объясняется тем, что время как понятие обладает сразу двумя свойствами: оно достаточно релевантно, чтобы иметь возможность присоединяться к глаголам, но в то же время достаточно абстрактно и отстранено от конкретных глаголов, чтобы иметь всеобщий характер [4; 19]. Иными словами, время не может поменять сущность действия, описываемого глаголом; оно только размещает его на временной шкале. Таким образом, категория времени является одной из универсальных грамматических категорий глагола, отмечаемая тем или иным способом практически во всех языках мира.

Итак, грамматическим становится, как правило, такое морфологическое значение, которое воспринимается в семантике языка следующим образом. Оно должно быть достаточно абстрактным, чтобы обладать широкой релевантностью и иметь возможность сочетаться с обширным кругом языковых единиц. Быть в достаточной степени отдаленным от конкретных лексических значений, чтобы результат модификации мог быть предвидимым, независимо от значения глагола.

Грамматические морфологические значения выражаются в словоформе отдельными морфемами, или более точно – отдельными аффиксальными морфемами.

Так морфема *-s*, присоединяемая к глаголу *study*, имеет морфологическое значение глагола 3 л. ед. ч. настоящего неопределенного времени изъявительного наклонения. Но сама словоформа *study* не имеет грамматического морфологического значения. Или в глагольной форме *shall go* значение будущего времени выражено неморфологически, не словоизменительной аффиксальной морфемой, а вспомогательным глаголом *shall* + инфинитив. Или в русском языке в глагольной словоформе *приду* аффиксальная морфема *-у* выражает будущее время глагола 1 л. ед. ч., что представляет собой морфологическое грамматическое значение. Это же значение может быть выражено неморфологически, при по-

мощи вспомогательного глагола *буду*: *буду приходить*.

Мы не разделяем мнения, что “большинство морфологических значений любого языка имеют в том же самом языке и неморфологические корреляты” [5; 101]. Несмотря на то, что в английском языке очень мало морфологически выраженных значений, вряд ли возможно выразить неморфологически грамматические морфологические значения аффиксальных морфем *-s* (3 л. ед.ч. глагола в настоящем неопределенном времени), *-ed* (прошедшее неопределенное время глагола), *-ing* (причастие 1), *-en* (причастие 2).

В дальнейшем мы продолжим исследования ФСП релевантности грамматических категорий в исследуемых нами языках.

Литература

1. Плузьян В.А. Элементы грамматической семантики. М., 2000.
2. Плузьян В.А. Общая морфология. СПб., 2003.
3. Григорьян Е.Л. Грамматические значения и категории. Ростов н/Д, 2001.
4. Bybee, Joan. Morphology. A study of the relation between meaning and form. Amsterdam: John Benjamins Publishing Co., 1985.
5. Бондарко А.В. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени. СПб., 2001.